

УДК 316.62

И. М. Попова

проф. кафедры социологии Института социальных наук
Одесского национального университета им. И. И. Мечникова,
к. 40, Французский бул. 24/26, г. Одесса-58, 65058, Украина,
тел. 68-60-92, e-mail: ipopova@te.net.ua

“ДЕМОКРАТИЯ” КАК СРЕДСТВО ИДЕНТИФИКАЦИИ И МИФОЛОГИЗАЦИИ

В статье показано, что функционирование термина “демократия”, используемого в качестве средства идентификации и мифологизации, определяется символической его природой. Делается также попытка определить смысл “демократии” как символа.

Ключевые слова: демократия, мифологизация, символ, идентификация

“Демократия” у всех сейчас “на слуху”. Страны делят на “демократические” и “недемократические”. К последним применяют суровые, подчас военные меры, исходя из того, что установление демократии любым способом оправдано, т. к. демократия — несомненное благо для любой страны. Этим же принципом руководствуются и политики, именующие себя “демократами”, и в самоназваниях всевозможных политических образований широко используют термин “демократические”. Что стоит за манипуляцией этим термином? Чем объяснить его популярность среди современного политического олимпа? Цель сообщения как раз и определена была необходимостью ответить на эти и другие аналогичные вопросы. Если охарактеризовать ее (цель) более конкретно, то она состоит в следующем: *показать, что использование термина “демократия” обусловлено символической природой языка и той ролью, которую играет “демократия” как символ в определенных социально-культурных условиях.*

В числе задач, которые приходилось решать:

- Краткое изложение понимания символической природы языка и роли символов в идентификации и мифологизации;
- Выяснение смысла “демократии” как символа;
- Характеристика функции “демократии” в политической жизни и использования ее как символического средства идентификации и мифологизации.

Символическая природа языка — общепризнанный факт в современной лингвистике и психологии. Признание данного факта связано с представлением о культуре как мире коллективно разделяемых смыслов и символов. Л. С. Выготский, много внимания уделявший формированию речи у ребенка, считал, что речь вступает в интеллектуальную фазу развития ребенка именно тогда, когда ребенок “открывает символическую функцию речи” [1, 104] Американский антрополог Л. А. Уайт, считавший символ фундаментальным элементом культуры, а человека — существом, обла-

дающим способностью производить символы и обращаться с ними, показывает также, что овладение речевой деятельностью и освоение слов становится возможным лишь тогда, когда слова становятся символами. В этом и заключается “таинство языка”, которое открылось слепоглухонемой Елене Келлер, на свидетельство которой ссылается Уайт. Подчеркивая значимость понимания слов как символов, Уайт пишет: “Поведение человека это символическое поведение; если оно не символическое, то оно и не человеческое”. Человек формируется в культуре, а ключ к миру культуры и “условие деятельности в нем — это символ” [2, с. 155]. Т. Парсонс тоже считал, что именно на уровне человека сделан определенный шаг от знаковой ориентации к подлинной символизации. “когда возникают символические системы, способные стать посредником в коммуникации, мы говорим о началах культуры...”, - пишет он [3, с. 450].

Но что такое “символ”, и чем он отличается от “просто” знака? Это целесообразно выяснить, т. к. совершенно справедливо принято считать, что язык — это совокупность знаков. Известно также, что один из основоположников философии культуры Эрнст Касирер не различал знак и символ и называл символическим всякое восприятие с помощью знака. Однако необходимость различения знака и символа имеется, и наиболее внятное толкование этого различения, с моей точки зрения, содержится у Поля Рикёра. “Я называю символом, — пишет он в “Конфликте интерпретаций”, — всякую культуру значений, где один смысл, — прямой, первичный, буквальный, означает одновременно и другой смысл, косвенный, вторичный, иносказательный, который может быть понят лишь через первый” [4, с. 18]. Символ, таким образом — это особый знак, имеющий “не основной”, “вторичный”, “иносказательный” смысл. Существенно также и то, что Рикёр связывает символический язык с “самопониманием” [4, с. 25], т. е. дополнительный, иносказательный смысл является выражением *внутреннего, субъективного отношения говорящего к обозначаемому предмету, “переживанием” человека ситуации, фиксируемой речевой деятельностью.*

Это, субъективно-внутреннее, основание символа определяет его значимость для *идентификации и самоидентификации.* Не случайно именно “идентификацию” считал одной из основных функций символа Норберт Элиас, который за ориентацией на язык и речевую деятельность “распознавал” трансцендентальную структуру мышления [5].

Но эта же связь символа с “субъективно-внутренним отношением” обуславливает участие символа в процессах *мифологизации* действительности посредством речевой деятельности, осуществляемой с помощью слов-символов. Не в повествовании, а именно в дискурсе, фразеологии, как считает Р. Барт, “высказывается” современный миф [6, с. 18]. А мифология — это коммуникативный процесс, “в котором слово может употребляться *не в его собственном,* а в символическом смысле, способном породить иллюзорное сознание, а прямой смысл приобретает символическое значение” [7, с. 15] (Курсив наш — И. П.).

К этому следует добавить также, что и “первичный” и “вторичные”

(“иносказательные”) смыслы формируются у человека в процессе непосредственного жизненного опыта, общения и *практической деятельности в рамках определенной культуры*. Мы познаем мир, как считал Т. Шибутани, путем действия, “...значение есть, во-первых, средства поведения, и только, во-вторых, свойства объектов”. Шибутани добавляет также, ссылаясь на Чарльза Пирса, что “различия в значениях не могут содержать в себе ничего более того, что можно отличить на практике” [8, с. 87]. Интересно и то, что исследователи, анализирующие различные концепции практики и показывающие, как в различных социокультурных условиях одни и те же слова на самом деле “означают совершенно разное”, часто обращаются именно к термину “демократия” [См., например, 9, с. 36-37].

Попытаюсь далее дать **характеристику “демократии” как символа**. Прежде всего укажу на следующее: многие исследователи обращали внимание на то, что именно слова, имеющие весьма неопределенный смысл, оказывают наибольшее воздействие на массовое сознание. Так Сергей Кара-Мурза, характеризуя введение в “перестроечный” лексикон так называемых “слов-амеб”, приводит рассуждения на этот счет Ле Бона, считавшего, что могущество слов совершенно не зависит от их реального смысла. “Очень часто, — цитирует он Ле Бона, — слова, имеющие самый неопределенный смысл, оказывают самое большое влияние на толпу. Таковы, например, демократия, социализм, равенство, свобода и. т. д. до такой степени неопределенные, что даже в толстых томах не удастся с точностью разъяснить их смысл” [10, с. 458].

Не берусь и я разъяснять “действительный”, “реальный”, смысл понятия “демократия”, тем более, что смыслов этих, как свидетельствует литература, бесконечное множество. Воспользуюсь лишь некоторыми данными на этот счет. Начну с того, что первоначальный, связанный с этимологией слова смысл термина “демократия” означает *состояние общества*, которое характеризуется как *народовластие*. При этом предполагается, как мне кажется, глубинный, “трансцендентный”, смысл, означающий *выражение и защиту интересов народа, составляющего по меньшей мере большинство*. В дальнейшем в определении “демократии” акцент сместился с “состояния” на *средства, способы* его обеспечения. Как выразился один политолог, с которым мне пришлось беседовать на эту тему, “демократия — не цель, а средства”.

Но вот какие именно средства — свидетельство “демократического устройства” общества — на этот счет имелись различные точки зрения. Ален Бадью, считая “демократию” весьма спорным словом и характеризуя историчность наполнения его тем или иным смыслом, пишет, что для греков демократия — это главным образом форма принятия военных решений, для чего собирали народ и на таких собраниях выявляли его волеизъявление. В предложениях же либералов демократия означает юридические и правовые свободы (свобода слова, прессы, собраний и др.). В классических революционных традициях упор делается на общие собрания, а также на такие организационные формы, как клубы, советы, профсоюзные комите-

ты и. т. д. “В нынешней пропаганде, пишет Бадью, — “демократией” называют определенную форму государственного устройства, парламентское “представительство”, основным признаком которого являются выборы, а местом воплощения — система многопартийного государства, которая противопоставляется системе однопартийного государства” [11, с. 285]. К этому он добавляет, что такое понимание демократии не принял бы Ж.-Ж. Руссо.

К другим смыслам термина “демократия” относят также наличие частной собственности, безграничную веру в рыночную экономику, а также рассматривают “демократию” как антипод коммунизма. “Как говорят публицисты, — пишет Бадью, — на руинах коммунизма наступил триумф демократии” [11, с. 280]. “Мы переживаем момент истины. Признание, что сущность любой демократии — это существование огромных состояний позорительного происхождения, что лозунг “Обогащайтесь!” является альфой и омегой эпохи, что грубая материальность прибылей есть абсолютно условие любого приемлемого общественного устройства” [11, с. 281]. Но не только публицисты связывают демократию с этими и другими признаками, давно подменившими первоначальные, “народнические”, смыслы “демократии. Из аналогичного понимания демократии исходят и социологи, реализующие масштабные исследовательские проекты. Так, например, австрийский социолог Кристиан Хемпфер, предложивший “новый индекс демократии” и использовавший его для исследования “демократизации обществ в пятнадцати государствах Европы”, для определения данного индекса фиксирует такие, например, переменные, как отношение к “коммунистическому” правлению, к “свободным выборам” и “множеству партий”, к монархии, к “сильному лидеру, способному быстро принимать всевозможные решения” и. т. д. [12, с. 128-130].

Именно такого рода исследования демократии берутся на вооружение политиками. Иммануил Валлерстайн по этому поводу пишет следующее: “Когда сегодня западные политики говорят о том, насколько демократичной является конкретная страна, все зависит обычно от того, как они измеряют демократичность. В течение многих лет американское правительство ежегодно дает *формальные оценки* другим правительствам, используя подобные критерии” [13, с. 74]. (Курсив наш — И. П.)¹ Характеризуя использование термина “демократия” в условиях глобализации и формирования так называемой “мир-системы” Валлерстайн указывает на то, что в этих условиях “понятие демократии стало прежде всего символом, следствием, доказательством цивилизованности. Запад — демократический, остальные — нет. Таким образом гегемонистские силы в мир-экономике провозглашают себя моральными лидерами. Их гегемония становится основой

¹ Проамериканской организацией, осуществляющей такой мониторинг, является так называемая Freedom House. Замечу также, что украинские социологи весьма охотно используют предложенные этой организацией “индексы демократии”, не оговаривая, каким *теоретическим* понятием “демократии” они руководствуются, насколько валидна используемая методика измерения и, соответственно, какова ценность приведенных эмпирических данных для решения поставленных авторами задач [См. 14 и 15].

прогресса во всем мире. Они предлагают демократию как Святой Грааль. Они, следовательно, олицетворяют добродетель” [13, с. 81].

Действительно, “демократия”, как и многие другие слова-символы, и, в частности, “гражданское общество” становятся *идеологемами*. “Они выполняют функции идеологической легитимации существующих систем власти” [16, с. 36]. Но важно осознать, какой именно смысл вкладывается в понятие демократии, когда оно используется как символ? Прежде чем ответить на этот вопрос, замечу: отмечаемая рядом исследователей неопределенность данного понятия, наделение его одновременно множеством смыслов обусловлено тем, что термин этот всегда характеризует не просто определенную социальную реальность, но непременно и *ценность, некоторое желаемое состояние, что как раз и характеризует “демократию” как идеологему*. С моей точки зрения, функционирование “демократии” в этом качестве предполагает *возвращение ему первоначального, “основополагающего”, смысл:имеется в виду “народовластие”, обеспечивающее выражение и защиту интересов, по меньшей мере, большинства населения*. В этом и состоит известный парадокс слова “демократия”, ибо обычно символический смысл, как отмечалось выше, — это “неосновной”, “дополнительный”, “иносказательный” смысл.

Но каковы условия действительности “демократии” как символа для **идентификации и мифологизации**? В каких случаях политические лозунги демократии и демократизации оказываются успешными? Напомню также о том, что именно политическая сфера является наиболее благоприятным пространством для манипулирования символами. Этому вопросу много внимания уделил Пьер Бурдьё, считавший, что “...власть утверждается и осуществляется, без сомнения, в самой хитроумной своей форме — как символическое и незамечаемое насилие...” [17, с. 38]. Он же указал на очень важную функцию символа, которая объясняет, в частности, и механизм использования “демократии” как политического средства идентификации и мифологизации. Речь идет о такой функции как “внесение смыслов”, как “навязывание легитимного мира”, которая выполняется символами, наряду с функциями “стилизации” и “номинации” [17, с. 29] Но при каких условиях это “навязывание” становится успешным, и люди идентифицируют себя с “демократами”, общество считают “демократическим”, имея, в частности, в виду такие конкретные характеристики государственного устройства как парламентаризм, свобода слова, многопартийность и др.? Отвечая на этот вопрос, можно опять-таки воспользоваться рассуждениями И. Валлерстайна. Он обращает внимание на те *реальные успехи*, которые были сделаны на Западе (в условиях парламентаризма, многопартийности и пр.) за 200 лет на пути *перераспределения благ, расширения масштабов доступности медицинского обслуживания, образования, увеличения доходов* — всего того, что составляет смысл еще одного широко распространенного в современной Западной политике символа, используемого как средства легитимации — “государства всеобщего благоденствия”. Но, во-первых, как показывает Валлерстайн, “благоденствие” даже в наиболее богатых странах затрагивает лишь 40-60% населения, а во-вторых, оно не

результат “народности” власти, а следствие относительного благоразумия буржуазной правящей элиты, которая за относительно длительный период своего функционирования поняла, что “уступки” необходимы и “нужно делиться” и мириться с перераспределением [13, с. 76-77]. Наша же (да и вся “постсоветская”) буржуазия этого еще не поняла. Зато она хорошо усвоила, что наличие различных *формальных* признаков “демократичности” — отнюдь не препятствие для проведения “недемократической” по сути политики.

Но это же поняли и наши соотечественники и все те, кто живет на постсоветском пространстве: в наших *конкретных, “реально-практических” условиях* ни парламентаризм, ни многопартийность, ни свобода слова, ни другие так называемые “гражданские свободы” *не ассоциируется с “благодеянием”, понимаемого широко и предполагающего, в частности, способность преодолевать произвол власти.* Наоборот, приобретение многих характеристик, олицетворяющих в либеральном понимании “демократию”, их включенность в *практику нашей жизни* привело к катастрофическому падению уровня “благодеяния”. Учитывая перечисленные обстоятельства, позволю себе сделать следующий вывод: *“демократия” как ценность, как символ, способный выступить как средство идентификации и мифологизации (например, способствующий квалификации некоторой действительности как “демократической”) в значительной степени характеризуется социальной составляющей, представлением о расширении возможностей присвоения многочисленных благ, которые характеризуют положение личности и различных групп в обществе.*¹

Соответственно следует приветствовать попытки при решении проблем демократизации нашего общества связывать эти процессы с *социальными эффектами* политических изменений, как это делает, например, О. Д. Куценко в статье “Зигзаги демократизации политического режима в Украине”, где рассматриваются различные толкования термина демократии в современных обществах. Учет социальных эффектов происходящих политических процессов приводит автора к важному заключению, *“что развитие множественных форм реальной демократии происходит отнюдь не только (и не столько) по либеральным принципам”* [19, с. 68]. Из этого заключения, как мне кажется, следует еще один важный вывод: исследуя идентификационные характеристики населения различных стран либо разных социальных групп, следует более вдумчиво выбирать операциональные признаки, позволяющие судить о “демократичности” либо “недемократичности”. Например, приверженность “коммунистическому правлению”, (при котором, как считают многие, основные общественные блага были более доступны для широких масс) не может быть признаком “недемократичности”. При интерпретации же эмпирических данных необходимо четко указать, какого толкования “демократии” придерживается исследователь и попытаться выяснить, соответствует ли вкладываемый им

¹ В этой связи интересно проследить генез термина “социал-демократия” и наполнение его определенным смыслом [См., например, 18].

в это понятие смысл тому, который имеют в виду респонденты. Другими словами, воспользоваться процедурой “понимания”, которая, наряду с научным объяснением, играет важную роль при интерпретации вербальной информации, с которой имеет дело социолог.

В этом отношении интересна практика российского фонда “Общественное мнение”, представители которого уделяют значительное внимание выяснению обыденного смысла слов, используемых в массовых опросах [20]. Практически в каждом номере издаваемого фондом журнала имеется рубрика “Так говорил респондент”, в которой приводится обыденное толкование социально-политической лексики, выявляемое при помощи качественных методов и, в частности, понимание того, что такое “средний класс” (с которым в опросах люди часто себя идентифицируют), “предприниматель”, “собственность”, “патриот” и др. И что можно возразить против того, что в нашей реальной практике “предприниматель” — это “спекулянт”, а “демократия” — это когда “что хочешь, то и делаешь” [21, с. 95]?

В заключение следует сказать, что исследование демократии, а особенно квалификация общества или типа личности как “демократического” или “недемократического” предполагает высокий профессионализм социолога, его научную добросовестность, а также гражданскую порядочность, означающую, в частности, вдумчивое и уважительное отношение к своим соотечественникам.

Литература

1. Выготский Л. С. Мышление и речь // Выготский Л. С. Собр. соч.: В 6 т. Т. 2. — М.: Педагогика, 1982.
2. Уайт Л. А. “Символ: фундаментальный элемент культуры” // Человек и общество. Хрестоматия. — К., 1999.
3. Парсонс Т. Система координат действия общая теория систем действия // Американская социологическая мысль. — М.: МГУ, 1994.
4. Рикёр Поль. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. — М.: Медиум, 1995.
5. Кармаданов О. А. Теория символа Норберта Элиаса // Социологический журнал. — 2003. — №4.
6. Барт Ролан. Мифология. — М., 1996.
7. Кравченко И. И. Политическая мифология: вечность и современность // Вопр. филос. — 1999. — №1.
8. Шибутани Т. Социальная психология. — М.: Прогресс, 1969
9. Волков В. О концепции практик в социальных науках // Социологические чтения. — М., 1997. — Вып. 2.
10. Кара-Мурза С. Советская цивилизация. Книга вторая. — М.: Алгоритм, 2001.
11. Бадью Ален. Тайная катастрофа. Конец государственной истины // Социология под вопросом. — М.: Праксис, 2005.
12. Хемпфер Христиан. Новый индекс демократии. Демократизация общественности в пятнадцати государствах (1991-1998).
13. Валлерстайн Иммануил. Демократия, капитализм и трансформация // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2002. — №2.
14. Зельницкий Андрей. Измерение индекса демократии как предпосылка управления процессом демократизации. (Украина в посткоммунистических странах Центральной и Восточной Европы, 1994-2004) // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2004. — №2.
15. Ключенко Эдуард. Особенности политического выбора украинских граждан в обществах авторитарного и демократического типа (Сравнительный анализ результатов выборов в

- Верховную Раду Украины 2006 года по зарубежному округу) // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2006. — №4.
16. Тузиков А. Р. Идеи демократии: социологическая интерпретация // Социологические исследования. — 2005. — №3.
 17. Бурдьё Пьер. Социология политики. — М. “Socio — logos”, 1993.
 18. Мысливченко А. Г. О западной социал-демократии // Вопр. филос. — 2001. — №11.
 19. Куценко Ольга. Зигзаги демократизации политического режима в Украине // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2005. — №3.
 20. Ослон А. Опросы общественного мнения как смысловая проблема // Социальная реальность. — 2006. — №3.
 21. Так говорил респондент // Социальная реальность. — 2006. — №3.

И. М. Попова

кафедра соціології Інституту соціальних наук
Одеського національного університету ім. І. І. Мечникова,
к. 40, Французький бул. 24/26, 65058, м. Одеса-58, Україна

“ДЕМОКРАТІЯ” ЯК ЗАСІБ ІДЕНТИФІКАЦІЇ І МІФОЛОГІЗАЦІЇ

У статті показано, що функціонування терміну “демократія”, використовуваного як засіб ідентифікації і міфологізації, визначається символічною його природою. Робиться також спроба визначити сенс “демократії” як символу.

Ключові слова: демократія, міфологізація, символ, ідентифікація.

И. М. Попова

Sociology Department of Social Sciences Institute
of Odessa Mechnikov National University,
r. 40, 24/26 Frantsuzsky Boulevard, 65058 Odessa-58, Ukraine

“DEMOCRACY” AS MEAN OF AUTHENTICATION AND MYTHICIZING

It's demonstrated in the article that term's function “democracy” used as means of identification and mythicizing is determined with its symbolical nature. The attempt is made to define the meaning of “democracy” as symbol too.

Keywords: democracy, mythicizing, symbol, identification.